

А. А. Зданович
«Дело Мясоедова».
Новый этап изучения или бег по кругу

В истории войн, революций и других этапных событий в жизни стран есть великое множество эпизодов, к которым исследователи возвращаются много раз, находя некие их новые грани, неизвестные доселе факты, элементы биографий действующих лиц. Любая детализация того или иного явления интересна для историков и тех, кто просто интересуется прошлым своей страны. Именно с этой позиции я и рассматриваю новые публикации по некогда громкому, крайне политизированному делу жандармского подполковника С. Н. Мясоедова, жду обнародования новых фактов, новых трактовок этих событий. Однако именно этого пока не наблюдается. Создается впечатление, что авторы полагаются на уже описанное мемуаристами и предыдущим поколением исследователей, а сами не утруждают себя работой в архивохранилищах.

Лично мне пришлось впервые обратить внимание на это дело в связи с подготовкой курсовой работы еще в 1975 г., обучаясь в Высшей школе КГБ СССР. Уважаемый педагог, специалист по проблемам русской военной контрразведки И. И. Васильев рекомендовал тогда внимательно ознакомиться со статьей доктора исторических наук К. Ф. Шацилло, опубликованной в журнале «Вопросы истории», еще в 1967 г.¹ После прочтения сложилось мнение, что добавить к тексту известного ученого более нечего. Свое отражение нашли все интересовавшие меня вопросы за исключением, может быть, непосредственно оперативной разработки подозреваемых по делу лиц. Уже работая над кандидатской диссертацией, посвященной военной контрразведке периода Первой мировой войны и первых послевоенных лет, внимательно прочел статью упомянутого выше историка в сборнике «Встречи с историей», изданном в 1988 г.² Однако она оказалась сокращенным вариантом вышеупомянутого текста и ничего более.

**Зданович
Александр
Александрович,**
доктор
исторических наук,
старший научный
сотрудник,
НИИ (военной истории)
Академии Генерального
штаба ВС РФ
(Москва, Россия)

В советский период было достаточно сложно ознакомиться с исторической литературой и мемуарами, изданными за границей. А об интересующем нас деле в этих публикациях упоминалось многократно, в чем я смог убедиться уже в 1990-е гг.

Известный историк Г. Катков в 1967 г. выпустил добротную монографию «Февральская революция», где посвятил «делу Мясоедова» отдельную главу и для оценки данного дела привел слова жандармского генерала А. Спиридовича, который приравнивал мясоедовскую эпопею по значимости для последующего падения царского режима к убийству Г. Распутина³. Знакомясь с текстом работы, обнаруживаешь, что новых данных он не приводит, а лишь анализирует ранее опубликованные материалы и дает им интересные, но достаточно субъективные оценки. В частности, автор рассматривает «дело Мясоедова» как «шпионскую аферу». Более того, Г. Катков считал, что Ставка Верховного Главнокомандующего, якобы подстрекаемая руководящими работниками русских контрразведывательных органов и под их напором, приняла поспешное решение о казни Мясоедова. Таким образом, по мысли автора, виноватыми оказывались «малоопытные» отечественные борцы со шпионами. С такой постановкой вопроса столкнулись многие отечественные историки, когда книга стала более доступна, будучи неоднократно переизданной в Москве.

Практически аналогичную мысль высказал и эмигрантский историк (а, по нашему мнению, просто публицист) А. Тарсаидзе. В своей книге под названием «Четыре мифа», увидевшей свет в Нью-Йорке в 1969 г., целый раздел он посвятил «делу Мясоедова»⁴. Почти через 40 лет книгу переиздали в России, однако для исследователей никакого приращения знаний в результате не произошло — автор при подготовке текста опирался на уже давно известные факты и их оценки, включая и приведенные в изданной двумя годами ранее, уже упомянутой нами монографии Г. Каткова. Можно смело утверждать, что основу раздела составили пересказы и цитаты из мемуаров одного из фигурантов дела, бывшего полицейского чиновника О. Фрейната, изданных им в 1918 г. в Вильно⁵. Перепроверить приводимые последним факты А. Тарсаидзе не захотел, либо не смог. Пусть будет последнее, однако от этого ничего не меняется.

Вплоть до конца 1990-х гг. в трудах отечественных историков о «деле Мясоедова» новых данных не приводилось. В работах, посвященных Первой мировой войне и российским революциям, появлялись лишь краткие пересказы написанного ранее, но оценки дела практически не изменялись. Да и как они могли изменяться, если авторы не предпринимали поиски новых документов в российских и зарубежных архивах. И объяснить такое положение можно достаточно просто — исследователи (в массе своей) занимались более широкими проблемами, либо смежными темами, и «дело Мясоедова» интересовало их, поскольку оно как-то отразилось на изучаемых ими событиях. Рассмотрение вопроса о противоборстве разведок воюющих держав не было в центре их внимания. Здесь, видимо, есть лишь несколько исключений, среди которых — монографии кандидата исторических наук, моего однокашника по учебе в Высшей школе КГБ СССР Л. С. Яковлева⁶ и доктора исторических

наук из г. Омска Н. Грекова. Первый вообще не упомянул о Мясоедове, а второй, сосредоточившись на борьбе со шпионажем в годы Первой мировой войны в сибирском регионе, лишь однажды назвал его фамилию, приводя цитату из книги главы австрийской разведки М. Ронге, не раскрывающую при этом суть дела⁷.

Итак, можно констатировать, что до конца 1990-х гг. «дело Мясоедова», как значимый эпизод противоборства контрразведки царской России с разведслужбами ее военных противников, предметно не рассматривалось ни в нашей стране, ни за рубежом.

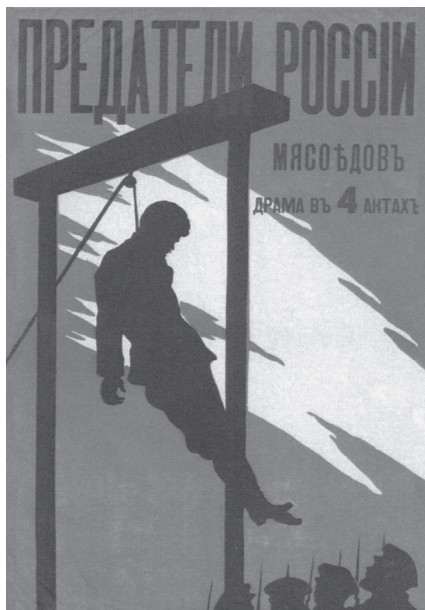
В 1998 г. мною был инициирован перевод книги специалиста в области борьбы со шпионажем в годы Первой мировой войны эмигранта В. Орлова⁸. В главе «Тайные связи между Петроградом и Берлином» он описал «дело Мясоедова» так, как оно виделось ему — непосредственному участнику агентурной и следственной разработки. В отличие от других авторов, он не поддерживает утверждения, что «дело Мясоедова» — плод кампании шпиономании в России, а рассматривает его как реальное проявление разведывательной деятельности германских спецслужб. Аналогичного мнения придерживался и Генерального штаба генерал-майор Н. Батюшин, лекции которого по разведке и контрразведке, впервые увидевшие свет в Софии в 1939 г., были переизданы по инициативе «Общества изучения истории отечественных спецслужб» в 2002 г.⁹ К деятельности контрразведки и разведки он имел самое непосредственное отношение с начала 1900-х гг. «Дело Мясоедова» для него не было каким-то незначительным эпизодом в профессиональной деятельности, и поэтому генерал намеренно уделил ему несколько страниц текста в своих лекциях, впервые рассказав о ходе разработки, примененных силах и средствах русской контрразведывательной службы.

На свидетельствах генерала, а также и В. Орлова, был основан соответствующий пассаж в биографическом очерке о Н. Батюшине, подготовленном моим учителем, кандидатом исторических наук И. Васильевым и мною. Оценочные суждения непосредственно по «делу Мясоедова» были даны в моей трактовке, согласованной с соавтором — по тому времени одним из основных специалистов по истории царской и советской военной контрразведки. Мы утверждали, что указанное дело — это не плод «фантазий» контрразведчиков, а реальное проявление противоборства спецслужб в период Первой мировой войны, однако добавляли при этом, что его следует изучить более детально и глубоко.

Кончина моего учителя прервала наш совместный поиск, и далее мне пришлось работать одному, собирая по крупицам дополнительную информацию. Приходилось не только работать в архивах (включая и закрытые), но и внимательно отслеживать публикации, в которых могли содержаться сведения, важные для проводимого исследования.

Самой первой в этой цепочке стала монография О. Р. Айрапетова «Генералы, либералы и предприниматели», напечатанная в 2003 г.¹⁰

Основное внимание в монографии уделено взаимодействию военного командования и Центрального Военно-Промышленного Комитета, роли этого фактора в событиях,

**Афиша к кинофильму
«Предатели России — Мясоедов».
М. С. Кальмансон (1917 г.)**

приведших к Февралю 1917 г. Автор достаточно убедительно, на мой взгляд, дает анализ важных военно-политических и экономических событий в России за несколько предвоенных лет и после начала Первой мировой войны, раскрывает многие интриги политиков и представителей военного ведомства, их борьбу за влияние на верховную власть, а фактически, в конечном итоге, за перераспределение финансовых средств. Явление под названием «дело Мясоедова» вполне логично встраивалось автором в общую канву его текста. Читатели были в праве рассчитывать на нечто новое в описании и оценках этого немаловажного эпизода военной истории нашей страны. Но нет. Автор предпочел почти на десяти страницах повторить предыдущих исследователей и мемуаристов. Здесь следует подчеркнуть, что при описании «дела Мясоедова» и тесно связанных с ним событий, О. Айрапетов ссылается лишь на мемуары царских чиновников из военного, полицейского и других государственных ведомств, на прессу

тех лет, а также воспоминания руководителя немецкой разведки периода Первой мировой войны В. Николаи. И только одну ссылку (пусть и не имеющую прямого отношения к «делу Мясоедова») можно приравнять к архивной — это отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

К последующим публикациям О. Айрапетова мы еще возвратимся, а пока констатируем следующее: через пять лет после выхода в свет его монографии публикации по «делу Мясоедова» стали появляться в нарастающем темпе.

В 2008 г. отмечалось 90-летие советской военной контрразведки и журнал «Родина» опубликовал статью кандидата исторических наук В. Каширина «Разведчики военного шпионства» с подзаголовком «Контрразведка последнего императора»¹¹.

Как теперь стало ясно, О. Айрапетов являлся его научным руководителем по кандидатской диссертации о деятельности царской разведки на Балканах в Первую мировую войну и, что весьма вероятно, дал некий импульс своему ученику к написанию статьи. В. Каширин, подходя к пассажиру о «деле Мясоедова», написал, что русская контрразведка была совершенно не подготовлена к работе в условиях войны¹². И с этим мне нельзя не согласиться, лишь добавив, что аналогичный вывод был сделан в моей монографии еще в 2004 г. Поэтому

о новизне говорить не приходится. А вот с оценкой «дела Мясоедова» согласиться не могу. В. Каширин утверждает, что это «одна из наиболее громких и грязных псевдошпионских историй времен Первой мировой войны...»¹³ Смею утверждать, что из приведенной цитаты в полной мере соответствует реальности лишь определение «громкая». Под словом «история» или «дело» автор походя объединил и агентурную разработку и следствие и судебный процесс над Мясоедовым. Конечно, можно было бы не заострять на этом внимание, но В.Каширин далее говорит о полной фабрикации материалов, к чему, по его мнению, имели прямое отношение сотрудники русской контрразведки и, конкретно, офицеры штаба Северо-Западного фронта (далее — СЗФ): генерал М. Д. Бонч-Бруевич, тогда еще полковник Н. С. Батюшин и князь В. Г. Орлов. Судя по дальнейшему тексту, автор статьи уверен, что фальсификация дела Мясоедова имела место по трем причинам: 1) политический заказ руководства Ставки Верховного Главнокомандующего; 2) личная заинтересованность контрразведчиков и стремление их любой ценой дать результат для получения очередных чинов и наград; 3) низкий профессионализм борцов со шпионажем. Подобного рода утверждения являются не плодом изысканий автора, а простым повторением написанного за много лет до него недоброжелателями и завистниками указанных выше офицеров. Следует также уточнить, что генерал Бонч-Бруевич, строго говоря, никогда не являлся контрразведчиком, а по должности был лишь куратором спецслужб СЗФ. В. Орлова никто и никогда в князя не производил, но, как и полковник Н. Батюшин, он однозначно являлся крупным специалистом в области борьбы со шпионажем. Это следует из их биографий и оценок современников, включая и руководителей вражеских разведок. Кроме того, мелких пешек в области тайной борьбы вряд ли стали активно разрабатывать 1920–30-е годы органы ВЧК-НКВД. В архивах ФСБ и службы внешней разведки России тому есть достаточно подтверждений. На ряд из них имеются указания в некоторых документах, опубликованных в последние годы в ряде изданий, инициированных этими ведомствами. Однако у В. Каширина, ранее никогда не занимавшегося изучением истории контрразведки, не имевшего отношения к спецслужбам, не знающего ни теорию этой работы, ни практику применения сил и средств органов борьбы со шпионажем, есть твердое убеждение в недостатке профессионализма у тех, кто занимался данным родом деятельности в годы Первой мировой войны. Абсолютно беспочвенные обвинения Н. Батюшина в этом плане не выдерживают никакой критики, тем более что автор не приводит ни одной фамилии высоких профессионалов от контрразведки в противовес генералу. Вопрос об эффективности работы спецслужб, достаточно сложный даже для внутрисистемных аналитиков, имеющих обширную информацию по массе параметров, он с необычайной легкостью решил в своей статье. Его утверждения звучат как приговор всей плеяде русских контрразведчиков рассматриваемого периода. Когда я соглашался с ним по поводу неподготовленности контрразведки к войне, то имел в виду прежде всего организационные и правовые аспекты, но не профессионализм конкретных сотрудников.

Если предположить, что автор рассматриваемой статьи перед ее написанием ознакомился с идеями и оценками английского историка Уильяма Фуллера, выпустившего в Лондоне в 2006 г. книгу «Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России»¹⁴, то можно вполне определенно сказать, что он – последователь этого зарубежного исследователя. Упомянутая выше книга появилась в переводе на русский язык в 2009 г.¹⁵

Если абстрагироваться от выводов У. Фуллера, а оценивать лишь новизну приводимого им материала, то следует оценить книгу достаточно высоко по сравнению с предыдущими публикациями, беря в качестве критерия использование им сведений из документов ряда отечественных и зарубежных архивохранилищ. И это факт, проверенный мною на примере дел, изученных в Российском государственном военно-историческом архиве, ранее выдававшихся зарубежному исследователю. Однако, как мне представляется, основная цель автора была не в детальном изучении «дела Мясоедова» и последовавшего позднее процесса над бывшим военным министром В. А. Сухомлиновым, а в доказательстве распространения шпиономании в России в период Первой мировой войны (да и задолго до ее начала), как явления, характерного именно для нашей страны на длительном протяжении ее истории, включая и советский период. Недаром в кратком анонсе издательства «Новое литературное обозрение», выпустившего книгу на русском языке, отмечено следующее: «Фуллер доказывает, что в мышлении, риторике и псевдоюридических приемах устроителей судебных процессов 1915–1917 гг. в зачаточной, но уже зловещей форме проявились главные черты будущих большевистских репрессий — одержимость поиском козлов отпущения и презумпция виновности».

Для У. Фуллера жандармский подполковник Мясоедов, которого автор многократно по ходу изложения текста именуется по имени и отчеству, это мужественный человек, профессионал в области прикордонной разведки, совершенно понапрасну ставший объектом интереса военной контрразведки России, скомпрометированный ею и доведенный до несправедливого суда военного трибунала. А все те, кто это сделал — отпетые фальсификаторы, заседавшие в КРО штаба СЗФ. Персонально указан полковник Н. Батюшин, а в роли бессовестного предателя выведен опытный агент фронтовой контрразведки Дистергоф, разработывавший Мясоедова в штабе 10-й армии¹⁶. К контрразведчикам автор прибавил еще одного «фальсификатора» — «варшавского чиновника Министерства юстиции по фамилии Матвеев»¹⁷. Уточним, что здесь имеется в виду судебный следователь Варшавского окружного суда Петр Николаевич Матвеев, имевший значительный стаж в этой должности, успешно раскрывший многие преступления и пользовавшийся уважением среди коллег. Однако он был оболган некоторыми мемуаристами в основном из-за того, что не отказался от своего отрицательного мнения относительно Мясоедова, а позднее отказался эмигрировать из Советской России после завершения гражданской войны.

Пытаясь соблюсти хотя бы долю объективности в «деле Мясоедова» У. Фуллер пишет: «...можно с большой долей вероятности предположить, что среди арестованных по делу

Мясоедова наряду с невинными попались и виновные»¹⁸. Но даже таких неперсонифицированных допущений не содержится в публикациях российских авторов, писавших о рассматриваемых событиях за последние годы.

А теперь вновь вернемся к текстам О. Айрапетова. В 2010 г. в «Русском сборнике» появилась подготовленная им обширная рецензия на книгу У. Фуллера. Данная рецензия стала основой нескольких последующих статей и фрагментов более крупных работ этого автора. О них я еще упомяну, а пока вернемся к самой рецензии. Прямо скажу — в целом она произвела на меня достаточно хорошее впечатление. Автор отметил как достижения У. Фуллера, так и недостатки в его исследовании. Последнее относится, в основном, к описанию боевых действий и отсутствию ссылок на отдельные, ранее опубликованные источники. Сконцентрируемся, однако, на «деле Мясоедова». О. Айрапетов указывает, что история дела была неплохо исследована и до появления книги английского историка, но последний пытается сказать свое собственное слово в этом вопросе¹⁹. А вот далее рецензент меня немало удивил. Начал он с того, что попенял У. Фуллеру на недостаточное использование (как источника сведений и оценок) мемуаров некоего О. Фрейната, а в отдельных случаях и отсутствии ссылок на него при заимствовании идей. Более того, О. Айрапетов фактически дезавуировал часть текста У. Фуллера, которая касалась «дела Мясоедова», заявив буквально следующее: «Смею уверить читателя, что О. Фрейнатом были даны решительно все принципиально важные оценки этому событию, после чего в объективной научной среде речь в лучшем случае могла идти лишь об акцентах. В худшем она сводилась к повторению. Причем к такому, которое является не матерью учения, а скорее дитем заимствования»²⁰.

После этих слов порядочный исследователь должен бросить все и ринуться штудировать книгу О. Фрейната. Однако для начала следовало бы хоть что-то узнать о личности этого человека. Именно это я и сделал. В 7-м томе издания «Падение царского режима», выпущенном в Ленинграде еще в 1927 г., имеется указание на то, что Оттон-Юлий Генрихович Фрейнат с 1907 по 1914 г. являлся чиновником особых поручений при МВД царской России, редактором «Вестника полиции». Оставил государственную службу еще до начала Первой мировой войны и сразу же был выбран членом правления одного из германских акционерных обществ. В 1915 г. проходил по процессу Мясоедова в качестве обвиняемого и был приговорен военным судом к 4 годам каторги²¹. Еще в период работы в МВД О. Фрейнат проявил себя склонным к использованию служебного положения в корыстных целях, за что и был уволен²². Поэтому говорить о его порядочности и честности не приходится. Это во-первых. Во-вторых, книгу О. Фрейната можно отнести к разряду мемуаров, место которым среди источников известно всем историкам. В-третьих, автор являлся фигурантом «дела Мясоедова» и был осужден. В этой связи нельзя быть уверенным в объективности изложения дела. В-четвертых, О. Айрапетов, указывая на то, что О. Фрейнат написал свой текст доказательно, поскольку якобы «обладал доступом к документам»²³, ни одним словом не

обмолвился об этих самых документах. Невероятно, чтобы реальные материалы «дела Мясоедова» оказались в руках эмигранта в 1918 г., разве что копии приговора и протоколы некоторых следственных действий. Но даже это маловероятно. А об оперативных материалах контрразведки вообще говорить не приходится. Из сказанного следует однозначный вывод о том, что О. Айрапетов явно переоценил значимость книги О. Фрейната для объективного рассмотрения всех аспектов «дела Мясоедова», хотя совершенно ясно, что сбрасывать ее со счетов, конечно же, нельзя, так же как и любой другой исторический источник. Опасность переоценки состоит во вполне вероятном закреплении оценок и выводов О. Фрейната в современной отечественной историографии вопроса, парализации попыток других авторов продолжить поиск с целью подтвердить, либо опровергнуть написанное эмигрантом, явно заинтересованным в определенном освещении «дела».

Автор рецензии О. Айрапетов, явно не симпатизирующий, на мой взгляд, деятелям либерального лагеря и лицам, близким к ним, именно на этот круг персонажей возлагает ответственность за выдвигание и отстаивание идеи об обоснованности обвинения и справедливом характере следствия по «делу Мясоедова». Непонятно по какой причине он отнес к их (либералов) числу генерала Н. Батюшина и действительного статского советника, следователя по особо важным делам В. Орлова. Ведь они, вне всякого сомнения, являлись монархистами «до мозга костей». Отметить это важно, хотя более существенно другое — уповая на оценки О. Фрейната, рецензент, надо полагать ради справедливости указал, что есть среди представителей различных политических воззрений такие мемуаристы, которые сходятся в отрицании или, наоборот, в признании виновности подполковника Мясоедова в шпионской деятельности.

Как оппонентов О. Фрейната и иных авторов, писавших о «деле Мясоедова», историк О. Айрапетов выводит в своей рецензии исследователей истории отечественных спецслужб И. Васильева и А. Здановича, которые, по его мнению, активно и абсолютно незаслуженно героизируют генерала Н. Батюшина и других контрразведчиков периода Первой мировой войны, сомневаются в полной фальсификации материалов «дела Мясоедова». Они якобы занимают совершенно исключительную позицию в современной историографии²⁴, допуская, пусть и с оговорками предположение о реальной причастности подполковника Мясоедова к подрывной работе германской разведки. И в этом утверждении он, надо признаться, действительно прав. Как выше уже было отмечено, редакция фрагмента текста о генерале Н. Батюшине, упомянутом О. Айрапетовым, действительно принадлежит мне²⁵. Поскольку И. Васильева, к сожалению, нет в живых, то разъяснение нашей совместной позиции приходится давать сейчас мне. Для начала подтверждаю тезис о том, что изучение деятельности контрразведчиков в Первую мировую войну пока еще не началось в тех масштабах и с той серьезностью, которой она заслуживает. Об этом мы заявили еще в 2007 г., но с того времени дело лишь немного сдвинулось с мертвой точки. Наконец-то появились новые предметные

публикации, соответствующие пассажи в более общих исследованиях. Над историей российской контрразведки работаю и я, продолжая, в частности, изучение «дела Мясоедова», особенно в части его агентурной разработки, поиска и анализа тех материалов, которые легли в ее основу. Надеюсь, что мои оппоненты не обвинят меня в некомпетентности по данному вопросу, как это сделал О. Айрапетов относительно У. Фуллера, указывая на отдельные недостаточно убедительные или не вполне выверенные утверждения в книге последнего²⁶.

Более 40 лет я проработал в органах государственной безопасности, включая военную контрразведку, и практически столько же занимаюсь изучением их истории. «Дело Мясоедова» много лет находится в поле моего внимания, а конкретно той его частью, за которую отвечала контрразведка. Здесь интересна каждая деталь, поскольку именно эти детали и позволяют выстраивать возможные версии относительно причастности Мясоедова к шпионской деятельности. На данном этапе изучения материалов можно предположить следующие варианты: 1) В связи с нарушением Мясоедовым многих правил служебного поведения жандармского офицера, а после увольнения в запас и некоторых статей существовавшего административного и уголовного законодательства, он мог попасть в поле зрения немецкой разведывательной службы и стать объектом вербовочной разработки с неизвестным нам пока исходом. В случае его вербовки на компрометирующей основе, дальнейшее поведение Мясоедова и, в частности, неоднократные и настойчивые попытки вновь поступить на государственную службу в подразделения, связанные с работой разведки и контрразведки, находят свое объяснение. Ведь одним из основных объектов проникновения любой спецслужбы являются аналогичные учреждения вероятного противника или военного врага; 2) Вполне можно предположить, что Мясоедов до начала войны мог сотрудничать с разведкой Германии, пытаясь выудить побольше денег от своих хозяев, при этом намеренно не давая серьезной информации из страха быть разоблаченным. Данный вариант был довольно распространен в те годы, когда агентура вербовалась, как правило, путем предложения хорошего денежного вознаграждения за услуги по сбору сведений в разведываемой стране. С учетом многократно явленной непомерной алчности Мясоедева (что не отрицают и его защитники), такой вариант вполне возможен. И тогда становится понятным, почему русская контрразведка смогла выявить только некоторые косвенные признаки шпионской деятельности объекта своего внимания. Именно такого рода признаки зафиксированы, к примеру, в материалах одного из дел, заведенных контрразведкой на Мясоедова и его связи в марте 1914 г.²⁷

Рассмотрим теперь документы еще из одного дела, хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве. Это материалы агентурной разработки на подпоручика 23-го пехотного Низовского полка Якова Павловича Колаковского²⁸. Сразу заметим, что это основной свидетель по делу, именно он дал контрразведчикам самые серьезные основания для активной разработки Мясоедова. Поэтому для меня явилось совершенно неожиданным, что с материалами дела не ознакомились упомянутые ранее авторы, а именно

О. Айрапетов, В. Каширин и У. Фуллер, хотя последние двое, и это мне точно известно, работали в Российском государственном военно-историческом архиве.

Дело на Я. Колаковского (а не Кулаковского, как указывают отдельные исследователи) содержит переписку различных контрразведывательных органов, показания и письма самого подпоручика, сводки наружного наблюдения за ним и другие документы. Изучая их в комплексе, можно прийти к некоторым достаточно обоснованным выводам о реальной связи его с германской разведкой. К примеру, ничем иным нельзя объяснить наличие у него поддельного паспорта, значительной суммы денежных средств (2000 немецких марок) и разведывательного задания. В Петрограде 17 декабря 1914 г. первыми его допросили исполняющий должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба генерал-лейтенант М. Н. Леонтьев и его помощник полковник А. М. Мочульский²⁹. Они не выразили никаких сомнений в показаниях Я. Колаковского. Расспросы подпоручика продолжались до 11 февраля 1915 г., когда, согласно телеграмме генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем, Я. Колаковский был направлен в штаб СЗФ. Там дальнейшей разработкой агентурного дела (кличка «Опасный») непосредственно занимался начальник контрразведывательного отдела подполковник отдельного корпуса жандармов Сергей Васильевич Леонтович. Если руководствоваться большевистским определением жандармов как заведомых провокаторов и фальсификаторов, то, узнав о роли указанного офицера этого ведомства в «деле Мясоедова», У. Фуллер, а за ним В. Каширин и О. Айрапетов несомненно причислили бы его к «малоопытным», но «своекорыстным» организаторам кампании шпиономании из штаба СЗФ. Ведь в официальной характеристике на С. Леонтовича говорилось, что он, проходя службу в довоенный период в Варшаве, занимался в основном шпионскими делами под руководством штаба военного округа, а конкретно полковника Н. Батюшина. И то, что он на пустом месте создал КРО штаба СЗФ, активно и успешно занимался разведывательной работой в глубоком тылу противника, разоблачил ряд шпионских групп в полосе действия фронта, отнесли бы указанные авторы на счет предвзятости подписавшего характеристику генерала М. Д. Бонч-Бруевича и согласившегося с ней начальника штаба СЗФ генерала А. А. Гулевича³⁰. В категорию фальсификаторов наверняка попал бы и товарищ прокурора Варшавской судебной палаты, юрист с 20-летним стажем Василий Дмитриевич Жижин. Ведь он тоже принимал непосредственное участие в расследовании в отношении Мясоедова. Однако отметим, что он неизменно пользовался авторитетом не только среди правоведов, но и офицеров царской, а затем и белой армий. Именно ему в 1930 г. руководство Русского общевоинского союза поручило расследование похищения А. П. Кутепова советскими спецслужбами. И это все в условиях, когда под подозрение в сотрудничестве с ОГПУ попало несколько известных в эмигрантской среде офицеров и генералов.

Однако вернемся к разработке Я. Колаковского. Необоснованное допущение ряда авторов, что подпоручик все выдумал, не имеет под собой почвы. Так, он назвал некоторых

реальных руководителей и сотрудников немецкой разведки, которые не были известны русским контрразведчикам в тот период, но мы о них знаем сейчас. В частности, при изучении в архиве ФСБ России досье № Н–21152 на начальника германской разведки периода Первой мировой войны полковника Вальтера Николаи выяснилось, что при допросах он многократно упоминал главу агентурной работы на германо-русском фронте обер-лейтенанта Александра Баумейстера (оперативный псевдоним «Агрикола») ³¹. Многие биографические сведения об этом офицере, данные В. Николаи совпадают с показаниями о нем Я. Колаковского ³². Как своего вербовщика Я. Колаковский назвал некоего Рихарда Скопника, уже занесенного в картотеку контрразведки русского генерального штаба как сотрудника полиции в Восточной Пруссии. Он руководил в том числе и контрразведывательными мероприятиями на германо-русской границе и именно на том участке, где с российской стороны работал подполковник Мясоедов в начале 1900-х гг. Таким образом, факт плотных контактов Я. Колаковского с указанными офицерами германской разведки не подлежит сомнению. Ранее я уже упоминал о поддельном паспорте и нескольких тысячах немецких марок. Естественно, что их подпоручик также получил от разведки противника.

Лишь предположением, на мой взгляд, может быть утверждение, подаваемое некоторыми авторами, о целенаправленном навязывании со стороны контрразведчиков Я. Колаковскому пункта его разведывательного задания по Мясоедову. В одном из запросов в генеральный штаб относительно представления подпоручика к награде указано, что при первоначальных допросах словам последнего о роли Мясоедова не поверили, поэтому и организовали тщательную проверку такого рода заявлений ³³.

С учетом того, что Я. Колаковский давал свои показания многократно и в разных инстанциях, поиск еще не использованных документов предстоит продолжить, так же как и новых материалов разработки Мясоедова и следствия над ним. А то, что такие материалы могли сохраниться, свидетельствуют некоторые обнаруженные мной документы. В частности, согласно описи дел, переданных в Главное управление Генерального штаба из Ставки Верховного Главнокомандования, в Петроград была направлена папка, состоящая из 84 листов — «дело на Мясоедова, часть третья» ³⁴. Кроме того, в фонде В. Л. Бурцева в Государственном архиве Российской Федерации сохранилось письмо участника разработки Мясоедова действительного статского советника В. Г. Орлова. Приведем фрагмент этого документа, имеющий отношение к моему предположению: «Я думаю, что преждевременно раскрывать все свои карты, т. к. дело не закончено, спрятано в Москве, следователь Матвеев тоже в Москве, а главная масса обвиняемых находится на видных постах у московских коммунистов и они то и могут при некоторых указаниях в прессе отыскать все дело и уничтожить и дело и документы» ³⁵.

Таким образом, можно утверждать, что исследовательская работа по «делу Мясоедова» должна быть продолжена, и нельзя допускать негативных оценок деятельности рус-

ской контрразведки, конкретных ее представителей, априори утверждая, что они являются фальсификаторами и создателями атмосферы шпиономании в России. А повторение, по выражению О. Айрапетова, давно написанного мемуаристами и некоторыми историками, является не матерью учения, а скорее дитем заимствования³⁶.

¹ Шацилло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 135–147.

² Встречи с историей. Вып. 2. 1988. С. 103–116.

³ Катков Г. Февральская революция. М., 2011.

⁴ Тарсаидзе А. Г. Четыре мифа. М., 2007.

⁵ Фрейнат О. Г. Правда о деле Мясоедова и др. по официальным документам и личным воспоминаниям. Вильно, 1918.

⁶ Яковлев Л. С. Контрразведка в системе обеспечения безопасности России (вторая половина XIX века – октябрь 1917 года). М., 2008.

⁷ Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 годах. Шпиономания или реальные проблемы. М., 2000.

⁸ Орлов В. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998.

⁹ Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002.

¹⁰ Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.

¹¹ Каширин В. Разведчики военного шпионства. Контрразведка последнего императора // Родина. 2008.

№ 12. С. 27–32.

¹² Там же. С. 30.

¹³ Там же.

¹⁴ *Fantasies of treason and the of imperial Russia*. London, 2006.

¹⁵ Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.

¹⁶ Там же. С. 165.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 181.

¹⁹ Русский сборник. Исследования по русской истории. Т. 9. М., 2010. С. 293.

²⁰ Там же. С. 294.

²¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 7. Л., 1927. С. 430.

²² Там же. Т. 5. С. 77.

²³ Русский сборник. Т. 9. С. 294.

²⁴ Там же. С. 301.

²⁵ Васильев И., Зданович А. Генерал Н. С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // Батюшин Н. С. У истоков русской контрразведки: Сб. документов и материалов. М., 2007. С. 28–30.

²⁶ Русский сборник. Т. 9. С. 335.

²⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 97.

²⁸ Там же. Оп. 16. Д. 176.

²⁹ Там же. Л. 117.

³⁰ Там же. Оп. 15. Д. 829. Л. 51.

³¹ *Тарутта Ж., Зданович А.* Таинственный шеф Мата Хари. М., 2000. С.148.

³² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 176. Л. 115 об.; Фуллер У. Внутренний враг. С. 160.

³³ Там же. Л. 108 об.

³⁴ Там же. Оп. 15. Д. 810. Л. 11.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 454. Л. 30.

³⁶ Русский сборник. Т. 9. С. 294.

УДК 94(47)

Зданович А. А. «Дело Мясоедова». Новый этап изучения или бег по кругу // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 234–247.

АННОТАЦИЯ: Обстоятельства возникновения «дела Мясоедова» и принятых по нему военно-судебными властями решений, влияние шпионского процесса на внутривнутриполитическую ситуацию в России в 1915–1917 гг. до сих пор вызывают интерес у исследователей, однако новых фактических данных и оценок тех событий появляется крайне мало. Вновь и вновь, к примеру, утверждается, что «дело Мясоедова» полностью сфальсифицировано российскими контрразведчиками по указанию Ставки Верховного Главнокомандующего с целью отвлечь внимание общественности от поражения 10-й армии и других трагических событий на российско-германском фронте. Шельмованию подвергаются сотрудники разведки и контрразведки, так или иначе связанные с «делом Мясоедова». Это характерно для отдельных российских историков, а в концентрированном виде представлено в монографии «Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России» английского исследователя У. Фуллера. Между тем ряд документов, обнаруженных автором в российских архивах, дает основание как минимум усомниться в обоснованности ставших расхожими оценок самого «дела Мясоедова», а также действий и профессиональной подготовленности сотрудников разведки и контрразведки царской армии. Автор статьи полагает, что еще рано говорить о завершении изучения данной темы, и призывает избегать категорических суждений и оценок, не основанных на новых архивных и иных источниках. В статье рассматриваются тенденции дальнейшего изучения обстоятельств возникновения «дела Мясоедова» и его влияния на внутривнутриполитическую обстановку в России в 1915–1917 гг. Свою позицию автор основывает на новых документах, обнаруженных в российских архивах, а также на критическом анализе ранее опубликованных монографий и статей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мясоедов, русские контрразведчики, германская разведка, историография вопроса, новые версии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, старший научный сотрудник, НИИ (военной истории) Академии Генерального штаба ВС РФ (Москва, Россия); mail@modernhistory.ru

Zdanovich A. A. “Myasoedov’s Case”. A New Stage in the Study, or Running in a Circle

ABSTRACT: The article considers the trends of further research of the “Myasoedov’s case” circumstances, its impact on the political situations in Russia in 1915–1917. Author’s position is based upon new documents discovered from the Russian archives, as well as on

critical analysis of monographs and articles published earlier. Again and again, for example, states that “Myasoedov’s case” is totally falsified by Russian counterintelligence at the direction of the Supreme Commander to divert public attention from the destruction of the 10th Army and other tragic events in the Russian-German front. Defamation exposed employees of intelligence and counterintelligence in one way or another related to the “Myasoedov’s case”. The author is bound to admit that this is typical for some Russian and foreign historians. A number of documents found by the author in the Russian archives, provides a basis to doubt in the validity of the assessments, which become conventional in the “Myasoedov’s case”, as well as actions and professional training of police, intelligence and counter-intelligence of the tsar’s army. But the author believes that it is too early to talk about the end of the study of the topic and encourages avoid categorical judgments and estimates that are not based on new archival and other sources.

KEYWORDS: Myasoedov, Russian counterintelligence officers, German intelligence, historiography, new versions.

AUTHOR: Doctor of History, leading researcher, War History Institute of the General Staff Military Academy of the Russian Armed Forces (Moscow, Russia); mail@modernhistory.ru

REFERENCES:

- ¹ Shatcillo K. F. ‘Delo» polkovnika Miasoedova’ in *Voprosy istorii*, 1967, no. 2.
- ² Katkov G. *Fevralskaia revoliuciia* (Moscow, 2011).
- ³ Tarsaidze A. G. *Chetyre mifa* (Moscow, 2007).
- ⁴ Freinat O. G. *Pravda o dele Miasoedova i dr. po ofitcialnym dokumentam i lichnym vospominaniiam* (Vilno, 1918).
- ⁵ Yakovlev L. S. *Kontrrazvedka v sisteme obespecheniia bezopasnosti Rossii (vtoraia polovina XIX veka – oktiabr 1917 goda)* (Moscow, 2008).
- ⁶ Grekov N. V. *Ruskaia kontrrazvedka v 1905–1917 godakh. Shpionomaniia ili realnye problemy* (Moscow, 2000).
- ⁷ Orlov V. *Dvoinoi agent. Zapiski russkogo kontrrazvedchika* (Moscow, 1998).
- ⁸ Batiushin N. S. *Tainaia voennaia razvedka i borba s nei* (Moscow, 2002).
- ⁹ Airapetov O. R. *Generaly, liberaly i predprinimateli: Rabota na front i na revoliuciiu. 1907–1917* (Moscow, 2003).
- ¹⁰ Kashirin V. ‘Razvedchiki voennogo shpionstva. Kontrrazvedka poslednego imperatora’ in *Rodina*, 2008, no. 1.
- ¹¹ *Fantasies of treason and the of imperial Russia* (London, 2006).
- ¹² Fuller W. *Vnutrennii vrag: shpionomaniia i zakat imperatorskoi Rossii* (Moscow, 2009).
- ¹³ *Russkii sbornik. Issledovaniia po russkoi istorii*. Vol. 9 (Moscow, 2010).
- ¹⁴ *Padenie tcarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi Sledstvennoi Komissii Vremennogo Pravitelstva*, Vol. 7 (Leningrad, 1927).
- ¹⁵ Vasilev I., Zdanovich A. ‘General N. S. Batiushin. Portret v interere russkoi razvedki i kontrrazvedki’ in Batiushin N. S. *U istokov russkoi kontrrazvedki: Sb. dokumentov i materialov* (Moscow, 2007).
- ¹⁶ Taratuta Zh., Zdanovich A. *Tainstvennyi shef Mata Khari* (Moscow, 2000).